

Коваленко Надежда Сергеевна

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СТАРОСЛАВЯНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВООБРАЗУЮЩИМ ФОРМАНТОМ -S-

Статья посвящена реконструкции фрагмента древней картины мира в той ее части, в которой нашло отражение древнее деление всех объектов окружающего мира на два класса: одушевленный и неодушевленный. В старославянском языке категория одушевленности проявляется как остаточное явление в склонении существительных с основой на -s. Показано, что языковая картина мира древних людей находит свое отражение в грамматических категориях и единицах языка, посредством анализа которых становится возможной реконструкция древней культуры и мировосприятия далеких предков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.163.1

Статья посвящена реконструкции фрагмента древней картины мира в той ее части, в которой нашло отражение древнее деление всех объектов окружающего мира на два класса: одушевленный и неодушевленный. В старославянском языке категория одушевленности проявляется как остаточное явление в склонении существительных с основой на -s. Показано, что языковая картина мира древних людей находит свое отражение в грамматических категориях и единицах языка, посредством анализа которых становится возможной реконструкция древней культуры и мировосприятия далеких предков.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; основообразующий консонантный формант -s-; категория одушевленности; родовая дифференциация; этимологический анализ; семантический признак; этнокультурная значимость.

Надежда Сергеевна Коваленко

Кафедра английской филологии

Томский государственный педагогический университет

contrast@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СТАРОСЛАВЯНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВООБРАЗУЮЩИМ ФОРМАНТОМ -S-[©]

Языковая картина мира - это «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [19, с. 15]. В языковой картине мира того или иного этноса всегда находит свое отражение его исторический опыт, ландшафт занимаемой территории, религия, духовные и материальные ценности, образ жизни населения в определенный исторический период.

Язык - это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому и по сей день проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в лингвистике. Материальная и духовная культура воплощаются в языке. Культура отражается в языке посредством особого видения мира. Языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, т.е. выражение «народного духа», его культуры. Таким образом, язык - это опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Несомненно и то, что языковая картина мира древних людей находит свое отражение в грамматических категориях и единицах языка, посредством анализа которых мы реконструируем древнюю культуру и мировосприятие далеких предков.

Согласно точке зрения современной когнитивной науки, результаты познавательной деятельности людей фиксируются в языке, который выступает в виде своеобразной «упаковки». При этом каждый язык по-своему организует и интерпретирует данные опыта людей на основе выделения различных признаков в одном и том же объекте. В связи с этим мы полагаем, что в наиболее консервативном уровне языка - морфологическом - могли сохраниться реликты былых состояний, которые когда-то передавали специфическое значение группы имен с основой на -s.

Именной тип основ на -s играл большую роль в индоевропейском праязыке. Следы существительных с основообразующим формантом -s- обнаруживаются в большинстве индоевропейских языков [1, с. 71].

Отголоском существования древней индоевропейской категории одушевленности / неодушевленности является существование склонений существительных на определенные основы на более позднем этапе развития индоевропейских языков. Вероятно, каждый из древних основообразующих формантов обладал своей спецификой и, видимо, первоначально имел более конкретное лексическое значение, а впоследствии все консонантные форманты были объединены одним семантическим стержнем - служить для обозначения одушевленности [7; 11, с. 11].

Классификации существительных по родам в индоевропейских языках предшествовала более древняя классификация, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности / неодушевленности [2, с. 66]. Старославянский язык сохранил деление существительных в парадигме склонения по основообразующему форманту, одновременно используя и родовый признак.

Из индоевропейского праязыка существительные с основой на -(e)s перешли и в праславянский язык, который сохраняет следы s-основ только в словах среднего рода. В славянских языках процесс утраты основ на -(e)s начался очень рано. Возможно, что здесь мы имеем дело с остатками очень древних структур общеславянского характера [1, с. 71].

С. Д. Никифоров такие старославянские основы, которые по закону открытого слога утратили в именительном падеже единственного числа последний согласный, сохраняющийся в прочих падежах в положении перед гласным, относит к типу склонения существительных с древними основами на -s, например, *слово* - *словесе*, с чередованием в конце основы гласных -o- и -e-. Он также отмечает, что значительные фонетические изменения в старославянском языке, произошедшие еще в древнейшую эпоху, привели к смешению склонений существительных среднего рода основ на -o и основ на согласный -s [10, с. 51-52].

В старославянском языке по типу *слово* склонялись следующие имена среднего рода: *небо*, *чудо*, *коло* (круг, колесо), *тѣло*, *дрѣво*, *око*, *оухо*. При смешении этого типа склонения со вторым склонением существительных среднего рода (индоевропейские o-основы) происходила перестройка s-основ, например: род. п. ед. ч. *чюда*, *тѣла* (вместо *чюдесе*, *тѣлесе*), дат. п. ед. ч. *тѣлоу* (вместо *тѣлеси*) и т.д. [Там же, с. 58].

Г. И. Климовская указывает группу существительных, которые в старославянском языке склонялись по пятому склонению подтипа на *-ēs-. Это восемь имен существительных среднего рода с окончанием в именительном падеже единственного числа -o: **нѣБо, чоудо, тѣло, дрѣво, оухо, око, слово, коло** [4, с. 137-138]. Она также указывает на то, что в дальнейшем существительные этого подтипа склонения перешли в подтип среднего рода второго склонения на *-ǫ-, сохранив лишь во множественном числе генетический суффикс-основу *-ēs-.

То, что существительные этой основы относятся к среднему роду, еще не является признаком их неодушевленности, так как разделение по родам сформировалось у существительных гораздо позже разделения их по основам [3, с. 242]. На основании этого при анализе существительных с точки зрения одушевленности / неодушевленности необходимо ориентироваться в первую очередь не на род, а на основообразующий суффикс, который передает более древнее состояние.

Несмотря на то, что в старославянском формально все имена с основой на -s относятся к среднему роду, фактически они представляют собой отголоски более раннего деления существительных на одушевленные / неодушевленные, что, по-видимому, было связано со спецификой восприятия окружающего мира древними и фиксации в языке внеязыковой информации. На грамматическом уровне это выразилось посредством оформления этих слов основообразующим суффиксом -s-. Последующее маркирование образований на -s средним родом, по-видимому, связано с изменениями в мировоззрении древнего человека.

Чтобы показать, что основообразующий суффикс -s- в старославянском языке функционировал как маркер одушевленности и маркировал именно одушевленный класс существительных, был выполнен их этимологический и этнокультурный анализ [5; 6; 7]. Полученные результаты показали, что данные существительные s-основы могут быть истолкованы как имена, обозначающие активные денотаты - это либо слова, обозначающие живое, растущее или реалии, тесно связанные с человеком и не мыслимые без него, либо слова, имеющие важное ритуально-культурное значение. История каждого из этих слов позволяет заключить, что та роль, которую играли в жизни древних людей обозначаемые ими предметы, являлась главной причиной оформления их основообразующим суффиксом -s- и отнесения их к активному классу имен. Кроме того, старославянские существительные с основой на -s могут быть сгруппированы по признаку активности, который предлагает Г. А. Климов [3, с. 149, 153, 159, 211-212, 305]:

- а) названия частей тела, например: тело, око, ухо;
- б) названия деревьев, растений и их частей, например: древо;
- в) тесно связанные с человеком понятия и реалии, например: слово, чудо;
- г) названия социально значимых вещей в жизни древних славян, например: колесо, небо.

Проанализируем подробно старославянские имена существительные *слово* и *чудо*.

Старославянское существительное *слово*, мн.ч. *словеса* обозначало «слово» (ср. др.-русск. *слово* «слово, дар речи, смысл, поучение», род. п. *словесе*, укр. *слово* «слово», блр. *слово* «слово», словен. *slovô*, род. п. *slovêsa* «прощание», *slôvo* «буква, слово», словц. *slovo* «слово», польск. *slowo* «слово», болг. *слово, словце* «слово», сербохорв. *слово* «буква, слово, речь») [12, с. 328-329; 15, с. 673; 17, с. 176]. Ст.-слав. и др.-русск. существительное *слово* восходит к праславянскому **slovo* (основа на -es-). Родственными ему являются: лтш. *slava, slave* «молва, репутация, похвала, слава», вост.-лит. *šlāvė* «честь, почесть, слава», *šlāvinti* «славить, почитать», авест. *sravah-* «слово, учение, изречение», мрусск. *слово* (род. п. *слова*), *слóвечко* «слава, молва», др.-русск. *слуту, слову* «молва», *словити* «славить», чеш. *slouti, slovu, sluju* «слыть, называться» [12, с. 328-329; 15, с. 673]. По своему значению и форме существительное *слово* соответствует зенд. *sravah-* «слово, речь». А. Преображенский приводит также существительные того же образования, но с другим значением: санскр. *śrāvas* «слава, похвала, уважение». С основой на -(e)s- (*словес-е*) согласуется индоевропейский корень **k¹leu-s-* «слышать» (особенно то, что часто называют, прославляют) в таких словах, как санскр. *śrōṣati* «слышит, слушает, слушается», *śruṣṭis* «слушанье, послушание, услужливость», зенд. *sraoša-* «слух», др.-ир. *cloor* (**klusōr*) «слышу», *clūasa* «уши». Таким образом, с и.-е. корнем **k¹leu-s-* (**k¹lou-s-*) «слышать» соотносятся слова *слух, слыть* и *слава* (ср. лат. *cluor* «мнение, слава», греч. *χλέος* «молва, слух», авест. *sravah-* «слово», др.-инд. *śravas-* «звук, хвала, слава») [12, с. 329; 17, с. 176]. Старославянское существительное *слово* произошло от праславянского **slovo*, которое в свою очередь развилось из индоевропейского корня в значении «слышать». К словам, родственным индоевропейскому корню **k¹leu-s-*, относятся: *слава, слух, слыть*, что связано с чередованием гласных.

Интересен также тот факт, что в русском языке в склонении существительного *слово* (род. п. *слова*) не сохранилось следов основы на *-es*. Начало этого явления наблюдается уже в старославянском, именно в форме творительного падежа *СЛОВОМ*. Эта форма появилась под влиянием *ДѢломь* из словосочетания: «*СЛОВОМ И ДѢломь*». Форма *СЛОВОМ* стала употребляться по аналогии с *ДѢломь*, подобно этому и родительный падеж *СЛОВА* и так далее [9, с. 343; 12, с. 329-330]. В русском языке мы находим следы древних образований на *-s* в прилагательном *словесный* и существительном *словесность*.

Уже в поздний период истории праславянского языка обнаруживается тенденция утраты основообразующего суффикса *-s-* и переход ст.-слав. *слово* в модель склонения, которая восходила к основам на *-o*, при этом старая консонантная основа лучше сохранялась во множественном числе [1, с. 72].

Что касается семантики существительного *слово*, то в текстах старославянского языка оно имело следующие значения: «слово, речь, голос, молва, слава, молитва, закон, заповедь, учение, божественное начало и другие» [Там же].

Говоря о роли слова в миропонимании древних, необходимо отметить, что слова считались и по сей день обладают некой тайной. Человек существует в мире слов, думает и говорит при помощи слов, выражает свои мысли и эмоции словами. Слова обладают магической силой: словом можно вдохновить и оскорбить, вернуть к жизни и ранить до смерти. Умело употребленное слово может выступать эффективным оружием в жизнедеятельности людей, в то время как неподходящее слово в неподходящее время может все разрушить. Старославянское существительное *слово* обнаруживает связь со значениями «слава, честь, почесть», что, видимо, объясняется тем, что древние обряды, связанные с обращением к богам с молитвами, символизировали оказание богам чести и признания, воздаяние почестей и уважения посредством слова. Следовательно, ст.-слав. существительное *слово* было связано с сакральными обрядами (ср. значение «божественное начало»), в которых слово выступало главным инструментом. Отголоски такого мировосприятия мы находим в современных словах: *благословить, благословение, благословенный*, что свидетельствует о древней ритуально-божественной роли слова. Примечателен тот факт, что с переходом от языческих представлений к христианским, слово не потеряло своей значимости. В книге Бытие говорится, что мир был создан Словом Божиим: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», то есть слово стало символом божественной власти [14, с. 341]. Таким образом, старославянское существительное *слово* было тесно связано с ритуально-культурной сферой. На основании этого, вероятно, старославянское существительное *слово* принадлежало к одушевленному классу имен и было маркировано суффиксом *-(e)s-*.

В старославянском языке существительное *чудо*, мн.ч. *чудеса*, обозначало «чудо» и восходит к общеславянскому **čudo*, род. п. *čudese* «чудо» (ср. др.-русск. *чоудо* «чудо», род. п. *чоудесе*, укр. *чудо* «чудо», мн. ч. *чудеса́*, блр. *чудо* «чудо», болг. *чудо* «чудо», сербохорв. *чудо* «чудо», мн. ч. *чуда, чудеса*, словен. *čúdo* «чудо», род. п. *čúdesa, čúda*, словц. *čúd* «чудо», польск. *czuda* «чудо») [16, с. 377-378; 17, с. 395]. Некоторые ученые предполагают связь по чередованию гласных и родство ст.-слав. *чудо* с греч. *χῆδος* «слава, честь», *χῆδρός* «славный», кроме того, сближают также с др.-инд. *ākūtis* «умысел», *kavīṣ* «учитель, мудрец» [Там же]. Общеславянское **čudo* восходит к и.-е. корню **(s)keu / *(s)kou* «проникаться уважением, почтением, замечать», либо с расширителем *-d-*: **kēud* (в славянских языках **kjūd*) / **kōud* «слава, репутация». Без расширителя *-d-* к тому же и.-е. корню восходит общеслав. **čujati*, из которого произошло русск. *чуять* [17, с. 395]. Др.-русск. *чутти* «слышать, чувствовать, знать, чуять» восходит к общеслав. **cuti*, которому по и.-е. корню родственны др.-инд. *kavis* «ясновидец, мудрец», лат. *caveo* «берегусь, остерегаюсь, чую опасность» [20, с. 413]. Тот же и.-е. корень **kōud* обнаруживается и в др.-русск. существительном *кудесник* «колдун, волшебник, чародей» [17, с. 395; 18, с. 470]. Др.-русск. *кудесникъ* образовано с помощью суффикса *-икъ* от *кудесный* «чародейский, волшебный», производного посредством суффикса *-ьн-* от *кудесъ* «колдовство, чары», представляющего собой производное с суффиксом *-es-* от **koudo*, являющегося перегласовкой к *чудо* [18, с. 470]. Следовательно, по индоевропейскому корню родственными ст.-слав. *чудо* являются др.-русск. *чутти, кудесникъ*. Таким образом, ст.-слав. *чудо* произошло от общеслав. **čudo*, которое в свою очередь развилось из индоевропейского корня в значении «проникаться уважением, почтением; слава, репутация». В русском языке мы находим следы древних образований на *-s* во множественном числе существительного *чудеса* и прилагательном *чудесный*.

П. С. Кузнецов отмечает, что существительное *чудо* в древности употреблялось главным образом в церковной литературе. Много примеров этого существительного с основой на *-s* обнаруживается в древнерусских памятниках, однако, все они обаяны своим возникновением влиянию старославянского языка [8, с. 29].

Для того чтобы понять древнее отношение к чудесам, нужно выяснить, что же считалось чудом в миропонимании древних. По древним суеверным представлениям чудом являлось «любое сверхъестественное, необъяснимое явление, нечто поражающее, удивляющее своей необычностью» [17, с. 395]. В древности чудом считалось нечто небывалое, поразительное, необычное, то, что вызывает удивление, восхищение, а иногда даже и страх. По религиозным и мифологическим представлениям чудо - это сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы [13, с. 691].

Любопытно, что старославянское существительное *чудо* также обнаруживает связь со значениями «проникаться уважением, почтением; слава, репутация», чем обнаруживает некое сходство со ст.-слав. существительным *слово*, что, по-видимому, объясняется тем, что возможность обращения, которую давали древние обряды молений и заклинаний, непосредственно к богам при помощи слова считалась чудом. Вероятно, на основании того, что старославянское существительное *чудо* было связано с божественной и ритуально-культурной сферой (о чем также свидетельствует последующее употребление главным образом в церковной литературе), оно принадлежало к одушевленному классу имен и было маркировано суффиксом *-(e)s-*.

Примеры анализа старославянских существительных *слово* и *чудо* свидетельствуют о том, что, несмотря на то, что лексическое значение одушевленности уже утеряно, грамматический формант все еще сохраняет древнюю маркировку одушевленных существительных. Таким образом, в *s*-основах отразилось более древнее деление существительных по признаку одушевленности / неодушевленности и маркирование их формантом *-s-* как более конкретной группы в семантическом плане.

Известно, что язык тесно связан с мифологией, религией и другими формами познания. Из выше изложенного видно, что рассмотренные существительные *s*-основ обозначают реалии, связанные, так или иначе, с областью культа. Язык - это результат отражения человеком окружающего мира. Он выступает в качестве зеркала, в котором отражается мировосприятие человека: языковые единицы, прежде всего слова, фиксируют содержание, которое в той или иной мере восходит к далекому прошлому, культуре, традициям, условиям жизни народа-носителя языка. Так, в грамматической категории старославянского языка - склонении на *-s* - мы находим своеобразное отражение картины мира. Рассмотренные примеры показывают, что семантическая группировка образований на *-s-* в старославянском языке основана на оценке этих слов-понятий по той роли, какую они играли в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира. Конечно, не стоит забывать, что это одушевленные имена не в современном понятии, а в мышлении и сознании древних. Старославянские существительные *s*-основ представляли в древности семантическое единство, где основообразующий консонантный формант *-s-* выступал как словообразовательный маркер, служа маркером одушевленности в понятии древних.

Список литературы

1. Бернштейн С. Б. Следы консонантных именных основ в славянских языках // Вопросы языкознания. 1970. № 3. С. 71-86.
2. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 57-70.
3. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. 320 с.
4. Климовская Г. И. Старославянский язык. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2003. 420 с.
5. Коваленко Н. С. Комплексный анализ семантических основ древнеанглийских существительных с основообразующим формантом *-s-* в сопоставлении с латинским и старославянским языками // Язык и культура. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 8-18.
6. Коваленко Н. С. Основообразующий формант *-s-* как маркер одушевленности (на материале древнеанглийского и старославянского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2006. Серия: Гуманитарные науки (Филология). Вып. 4 (55). С. 28-38.
7. Коваленко Н. С. Принципы семантической интерпретации древнеанглийских существительных с основообразующим формантом *-s-* в сопоставлении с латинским и старославянским языками: монография. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. 136 с.
8. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 275 с.
9. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001. 492 с.
10. Никифоров С. Д. Старославянский язык. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1955. 111 с.
11. Осипова О. А. Отражение категории одушевленности / неодушевленности в склонении древнегерманских существительных: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1986. 416 с.
12. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. Т. 2. 416 с.
13. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 800 с.
14. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. 448 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.
16. Там же. Т. 4. 852 с.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз.: Медиа, 2004. Т. 2. 559 с.
18. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
19. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. М., 1999. № 1. С. 3-16.
20. Этимологический словарь русского языка. М.: Славян. дом кн., 2001. 437 с.

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD REFLECTION
IN OLD SLAVONIC NOUNS WITH THEMATIC FORMANT -S-

Nadezhda Sergeevna Kovalenko

*Department of English Philology
Tomsk State Pedagogical University
contraste@rambler.ru*

The article is devoted to the reconstruction of the fragment of the ancient picture of the world in the part which served as a reflection of the ancient division of all objects of the surrounding world into two classes: animated and unanimated ones. In the Old Slavonic language the category of animation is revealed as a residual phenomenon in the declension of nouns with -s stem. It is shown that the language picture of the world of ancient people is reflected in grammatical categories and language units analyzing which it becomes possible to reconstruct the ancient culture and our ancestors' world perception.

Key words and phrases: language picture of the world; thematic consonant formant -s-; animation category; gender differentiation; etymological analysis; semantic feature; ethno-cultural importance.

УДК 82-92

В данной статье автором предпринимается попытка исследования газетно-журнальной публицистики, определения её функциональных параметров и основных стилевых черт.

Ключевые слова и фразы: газетно-журнальная публицистика; функциональные параметры газетно-журнальной публицистики; стилевые черты газетно-журнальной публицистики.

Евгения Михайловна Коломейцева

*Кафедра иностранных языков
Тамбовский государственный технический университет
modlang@mail.ru*

ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТРУКТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕКСТА[©]

Газетно-журнальная публицистика ориентирована на массового реципиента и выполняет две функции: воздействия и информации.

Функциональные параметры и стилевые черты языка газетно-журнальной публицистики определяются социально-коммуникативной ситуацией.

Ориентация газетно-журнальной публицистики на массового получателя характеризуется с одной стороны, универсализацией, а с другой - специализацией. Универсализация средств массовой коммуникации определяется их направленностью на массовую аудиторию, стремлением расширить круг читателей. В то же время отмечается стремление к дифференциации своей продукции с учетом специфических черт читательской аудитории. Дифференциация установок ведет к созданию журналов по профессиональным интересам на английском языке - это Newsweek, Economist, Financial Times и т.д. и на русском языке - это «Эксперт», «Власть», «Коммерсант», «Профиль» и другие.

В установке СМИ на реципиента обнаруживаются некоторые закономерности, которые проявляются в тексте и которые объясняются с позиций социологической модели ролевых отношений. Ролевые отношения тесно связаны с дифференциацией языка в плоскости функциональных стилей и жанров.

Детерминизация речевого поведения осуществляется через ролевые предписания и ожидания. Автор газетно-журнального текста использует социально детерминированные нормы построения текстов и учитывает, какое речевое поведение ожидают от него читатели.

Ситуация массовой коммуникации оказывает решающее влияние на формирование функций и стилевых черт языка газетно-журнальной публицистики. Это сказывается на способах реализации информационной функции через использование деспециализации терминов, их популяризации, внедрение метафорических значений и замену нетерминологическими эквивалентами.

Такие особенности языка массовой коммуникации, как сопровождение пояснительным контекстом специальных терминов, профессионализмов, заимствований и аллюзий, связаны с ориентацией отправителя информации на фоновые знания реципиента. Создавая текст, ориентированный на массового реципиента, автор строит обобщенную модель его фоновых знаний, от которых зависит адекватная интерпретация текста.